

Суд и меч на ОРТ

Известия - 2001 - 2 вып. - с. 9.

Соловьев и Гордон примеряют роли и взвешивают слова в программе «Процесс»

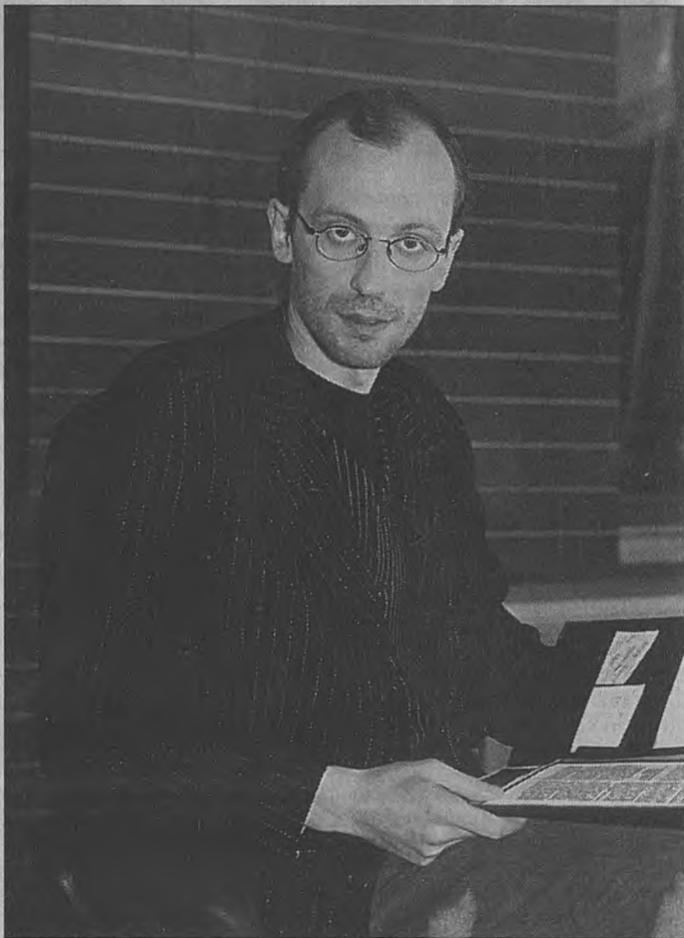
Вся передача, начиная с названия, отсылающего к Кафке, адресована интеллектуалам и нежно ими любима. К сожалению, любима заочно: эфир по четвергам в 7 вечера — редкий интеллектуал к этому времени доберется до дома. Зато престижно: прайм-тайм. Съемочная команда жалуется, что нельзя снять передачу даже про Интернет: «Тот, кто в девятнадцать ноль-ноль включает телевизор, потому что ему больше нечего делать, не знает, что такое Интернет». Тема передачи, на которую попал корреспондент «Известий», публике тоже малознакома: война.

Мария ТРЕЩАНСКАЯ

Игра в противостояние, начатая на «Серебряном дожде» («Хмурое утро» Гордона против оптимистичных «Соловьиных трелей»), продолжается. Это интеллектуальная дуэль, битва отточенных реплик под случайными флагами, о чем предупреждают титры: «Ведущие не всегда разделяют точку зрения, которую они защищают» (хотя это относится, скорее, к Гордону). Соловьев и Гордон — единство и борьба противоположностей во плоти: друзья и единомышленники делают вид, что сражаются друг с другом насмерть, но в любой момент могут поменяться масками.

Они освобождают конфликт от эмоций, превращая его в игру чистого разума. Не женская передача — даже студия заточена не под слабую половину человечества: зеркала Правосудия — кривые; сиденья-ступеньки так высоки, что в узкой юбке туда не забраться; на шаткие лесенки свидетелей явно не ступала шпилька человека.

Но случается, что эмоции прорываются и в этот жесткий формат, и тогда, как сегодня, программа живет собственной жизнью, подконтрольной лишь ножницам монтажа. Тема: «Солдат на войне — палач или жертва?». Формальный повод — дело Буданова. Соловьев утверждает, что человек должен отвечать за свои действия, Гордон — что мы

ВИКТОР ГОРЯЧЕВ

Процессуальные стороны: Александр Гордон и Владимир Соловьев

не вправе судить тех, кто воюет: это их война.

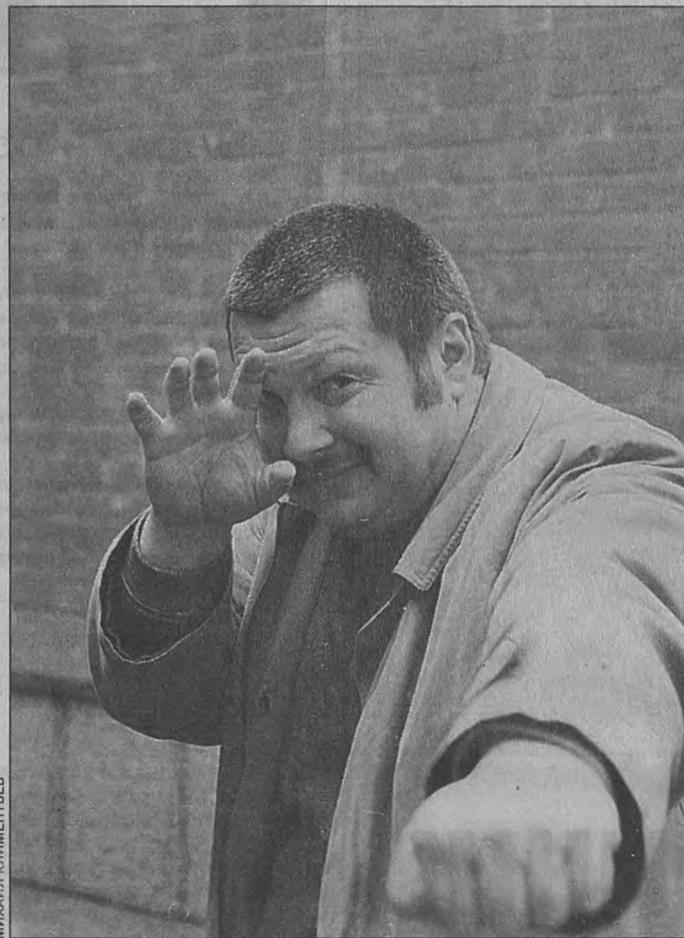
На мониторе ковыряет в ухе Невзоров: он не знает, что телемост из Питера уже идет. Когда-то в Думе он сам ловил в объектив почесывающихся, и теперь они могут чувствовать себя отмытыми. Сейчас он выковыривает из уха наушник — часть скверного технического оснащения: мы слышим его легкий матерок, а он нас — нет. Включившись в беседу, он поддерживает Гордона и рассказывает, как на месте расстреливают наводчиков.

Чтобы зритель мог сравнить два мира, нам показывают кадры чеченской войны. Дым и копоть, парень, рыдая, строчит из пулемета... Бинтуют раненых. Солдаты в рваных и окровавленных рубахах рапортуют: «Мы, выжив-

шие...» И к микрофону приглашают зал. Люди (у каждого из них была своя война) рассказывают, как один отряд спецназа, выполняя задание, в целях конспирации резал горло тому, кто попадался на пути, а потом спасал Грозный от ОМОНа, как брали пленных и меняли одного чеченца на десять русских.

В этих свидетельствах звучит формула, которая переворачивает все, что мы знаем о войне. Всякая война становится героической. Через несколько лет. В памяти воевавших. «Когда твоя память говорит тебе, что ты это сделал, а совесть — что ты не мог это сделать, память отстывает», — говорит психолог.

Начинали с Чечни. А пришли к войне вообще, войне вне географии и дат. Афганистан. Но

МИХАИЛ КЛИМЕНТЬЕВ

чью над Кандагаром летели наши вертолеты. В пустыне увидели огни. Огни — это опасность. Огни расстреляли. Отметили на карте. Днем вернулись. Увидели пять покоренных машин. Снизу начали стрелять. Снова прошлись по ним очередью. Стрелять перестали. Спустились. Увидели мертвого старика, защищавшего мертвых детей. И раненую девочку трех лет. Ее перевязали. Но пришел приказ: девочку расстрелять, все списать на противника.

Это рассказывает один из вертолетчиков. В зале — та самая тишина, которую называют звенящей. Я помню о неписаном законе: журналисты не плачут. Но военные, которые сидят передо мной, закрывают руками лица. Пауза.

Сегодня Гордон оправдывает солдат, и сейчас — его реплика, но он отвернулся, молчит. Эту еле заметную паузу должны вырезать при монтаже: передача идет 35 минут, а снято больше часа.

— А что стало бы с солдатом, который не выполнил приказ? — спокойный голос Гордона, не отпускающего концепцию, возвращает нас, с нашим сдавленным дыханием и перехваченным горлом, в плоскость телепрограммы.

— Иногда люди подрывали себя гранатой, чтобы не выполнять приказы, — говорит рассказчик.

— Александр, значит, существует профессиональный иммунитет? — это я уже потом, после передачи, спросила.

— Существует, — отвечает Гордон.

— Это бравада, — говорят мне потом. — Не верьте ему, не думайте, что мы такие толстокожие. Просто мы должны работать.

— Мы — люди, — говорит Соловьев в заключительном слове. — И должны помнить об этом.

— Все мы — немного звери, — говорит Гордон. — И мы должны помнить об этом, когда беремся судить тех, кто оказался там, где все — нечеловеческое.

Зрители тихо выходят из зала. — Мы сняли лучшую пацифистскую передачу, — говорит Соловьев.

— Возможно, ее не пустят в эфир, — говорит Гордон. — Ее назвали «прочтенской».

Ведущих отмывают от грима. «Мумию будем снимать», — говорит Гордон, берет салфетку и с силой трет лицо. «Что вы с собой делаете, Александр Гарриевич!» — в ужасе восклицает гример.

Сегодня среда. Одиннадцать вечера. Завтра, в одиннадцать утра по московскому времени, — первая трансляция на Дальний Восток. В редакторской всех трясет. Они говорят: «Это — одна из лучших наших программ! Не пустить ее в эфир — все равно что закрыть передачу!»

— Мы сделаем все, чтобы программа вышла, — говорит Соловьев. — Что им не понравилось? Дело Буданова? Вырежем. К тому же о нем почти не говорили. Слишком много чеченской стороны? Значит, в хронику войны добавим кадры взрывов домов в Москве — попытаемся уравновесить.

Он ведет долгие переговоры по мобильному. Отключается.

— На войне как на войне, — говорит Соловьев. — Нам сказали: сделать две программы — эту и еще ту, что сняли раньше, о проблеме регистрации — к восьми утра, и мы сделаем две программы к восьми утра. А они выберут, что покажут завтра, а что — на следующей неделе. Вы смонтируете их к восьми?

— Володя, мы одну программу столько монтируем!

— Мы все равно сделаем это. Потому что мы сняли настоящую мужскую передачу о войне. Жесткую, без соплей и сантиментов. И она должна пойти в эфир.